

БЫТЬ — МОЖЕТ, самое интересное и важное в нынешнем театральном сезоне — расширение, углубление правды, которую говорят драматурги и театры своим современникам. Правда — это не только рассказы о несовершенствах, пороках, катастрофах; это и рассказы о великих делах человека, о яросте его души, о сложностях жизни и судьбы; это и разрушение тошнотных идиллий, цементобразных схем, мертворожденных догм в искусстве и в жизни.

Расширение фронта исторической, жизненной правды стало отличительной чертой новых лучших пьес наших драматургов. В пьесе «Шестое июля» М. Шатрова рассказано людям об одном дне жизни Ленина, жизни революции, о шестом июля 1918 года, когда черныш левозерсовский мятеж вспенился, поднялся и коварно упал на молодое, еще не окрепшие плечи революции.

По-разному поставили этот спектакль режиссеры Б. Львов-Анохин в театре им. Станиславского и Л. Вапшаховский на МХАТе. В одном театре — это спектакль-стеннограмма, лаконичный, сдержанный, без массовых сцен и выстрелов, спектакль об Ильиче. В другом — это спектакль об огромном размахе революции, для которой любые мятежи — всего лишь жалкие потуги шайки преступников. Но и в том и в другом спектакле ясно, правда, потому что пришла настоящая, идущая в ногу со временем драма.

Нельзя уроков следует из пьес М. Шатрова и работы обоих театров. «Опыт документальной драмы», — так определен писателем и театром жанр этой пьесы. Не вымысел, но документ, не фантазия, но стеннограмма, не свободное обращение с фактами, но сами факты... И это современно, потому что живая жизнь революции, запечатленная в своей героической фактологии, прекраснее всех легенд и фантазий.

И вот еще что примечательно в пьесе и в этих спектаклях — доверие к современникам, понимание урона публики, как товарищественного интеллектуальному, идейному уровню художника. Не только друзья революции, но и враги ее обрели слово в «Шестом июле». Когда-то врага в драматургии боялись, о нем лишь рассказывали, но его самого мы не слышали. И это делало конфликт вегетарианским, легковесным. В пьесе М. Шатрова с речью на V съезде Советов выступают вдохновенный левозерсовский мятежник в Спасском. И в такую тыщу гражданских сил острее гневная реакция зала, как вырастает правда истории!

Появилась интересная, умная пьеса М. Шатрова, и вот уже яркая театральная отдача — новые грани образа Ленина, крупно, по-разному поданные актерами Б. Смирновым и А. Глазыриным. Новая интересная пьеса — и вот уже различные самобытные режиссерские решения. И вот уже развешена мысль о том, что зритель наш не любит социальных проблем, гражданских тем, политических коллизий.

По-настоящему гражданским, социальным, революционным стал и еще один спектакль — «Десять дней», которые потрясли мир» — пьеса по мотивам книги Джона Риды в театре на Татанине (режиссер Ю. Любимов). О нем уже много писали, я не буду вновь перечислять его сценических открытий.

Хочется упомянуть и о спектакле А. Штейна «Между линиями» в Театре им. Маяковского (постановка Н. Охлопкова и В. Дудина), где так же раскрыты некоторые новые грани характера Ильича.

Нет, честное слово, не так уж

мало было в этом сезоне интересных, будоражащих спектаклей.

Истати, в газете «Советская культура» на днях было опубликовано обзрение А. Солодовникова «Перед закрытием занавеса», в котором он, между прочим, упоминая о заметках драматурга И. Куприянова, напечатанных в «Известиях» (№ 131), упрекает автора за то, что тот не аргументирует своих доводов примерами. В этом отношении я вполне согласна с А. Солодовниковым: спорить без аргументов нельзя. Однако в конце обзрения критик сам констатирует: «Не нашла себя plena современная драма»; и далее: «Драме надо бы войти под своды исполненных заводских цехов, подставить гул под свежий ветер полей». В этом-то и заключается существо дела. И мне думается, что нужно отметить, как отрицательный факт, что основу репертуара в этом сезоне составили именно интересные современные пьесы.

«Мой бедный Марат» — драму А. Арбузова — показали сразу в двух театрах: в Театре им. Ленинского комсомола (режиссер А. Эфрос) и в Театре Советской Армии (режиссер Л. Хейфец). Бедно было бы, чтобы пьеса А. Арбузова не пелась зрителям чего-либо неожиданно по мысли, по форме, по самой постановке, жизненным проблем. Вот и сейчас драматург хочет через судьбы всего лишь троих людей передать и трагедию ленинградской блокады, и торжество светлого человеческого духа, и победу, и трудности послевоенных лет, и, наконец, наше время, куда приходят из ленинградской зимы 1942 года двое юношей и девушки, ныне зрелые люди.

Спектакли в Театре им. Ленинского комсомола и Театре Советской Армии не похожи друг на друга. А. Эфрос стремился к предельной общности людей и времени, когда не сюжет, но само душевное, идейное, эстетическое обаяние спектакля и его проблематика должно было захватить зритель, вынуть им какие-то тревожные и светлые раздумья о войне и мире, о счастье и его ожидании, о вере и об идеализме, что не всегда равномерно.

Театр Советской Армии и его режиссер Л. Хейфец, напротив, стремились к полной сюжетной ясности и хотели сказать, что жертва, которую приносит Марат, углубляет свою любовь, унижает всех вокруг, расслабляет волю, рождает духовную пассивность, привычку ждать нравственных, моральных подачек.

Но хотелось бы вот еще что заметить по поводу обоих этих спектаклей и пьесы Арбузова. Хотя драма и кончается бойкой, веселой фразой о том, что даже за день до смерти не поздно начать жизнь сначала, общий настрой ее подводит зрителя к иной мысли. Идея о том, что можно без конца ломать, менять, перестраивать жизнь, только разматывает человека, делает его безответственным перед настоящим. Надо начинать жить начисто, не надеясь на переписанный, другой вариант. Такой моральный вывод кажется нам социально и психологически более важным.

Театр им. Ермоловой показал спектакль «Русское перо» С. Лунгина и И. Нусинова (режиссеры П. Васильев и В. Комиссаржевский). И в этом спектакле есть много от правды, многое от истинных

наблюдений. В учительской происходит действие пьесы, учителя и школьники ее герои, а между тем целые пласты жизни проходят перед нами. И здесь, от звонка к звонку географии до звонка на урок истории, мы узнаем, как губительна для человека мысль о том, что покажут позеленевшему делу, чем истина. От звонка до звонка мы узнаем о том, как протестует молодежь против недовверия к ее силам, что урок нравственный не менее важен, чем преподавание школьных дисциплин. И еще мы узнали, вернее с радостью вспомнили, какая же замечательная актриса Э. Кириллова, когда-то так возмущавшая людей в умных и сложных ролях, а затем почему-то примирившаяся. Э. Кириллова играет здесь директрису школы, она создала образ сложный и противоречивый. Героиня Кирилловой вызывает осуждение и жалость одновременно. Это и трогательная, и несчастная, фанатичная и растерянная женщина, бесконечно любящая школу и, несмотря на это, приносящая вред молодежи.

ЕЩЕ один поворот театрально-го круга, круга репертуара жизни — и мы на Малой Бронной, в Драматическом театре, где главным режиссером А. Гончаров. Там с неслаженным успехом идет спектакль по пьесе В. Максимова «Жив человек». И в нем есть зерно того драгоценного материала, из которого складывается правда дня, правда истории. От большой уголовной романтики — к людям настоящей романтики дружбы и дела, от неверия — к вере, от подозрительности — к душевному теплу, от вражды — к любви, от иронии — к жизни — таков путь главного героя этого спектакля! И в этом, пути, показанном театром, сурово и бесстрашно: видится движение — времени, все определеннее идущего к доверию, гуманизму.

Пройдет сезон. Быть может, какие-то из этих спектаклей забудутся, утихнут споры о них, но кажется нам, что останутся в эстетическом багаже современников многие образы, созданные лучшими нашими актерами. Наверное, не уйдет из памяти, не забудется и впечатление от «маленькой» роли Л. Сухарева в спектакле «Жив человек».

Можно спорить, во всем ли хороша новая пьеса Ю. Эддиса «Театр им. Бахтанова» (режиссер Л. Ремизовой). Но есть в этой пьесе одна роль, удивительный сыгранная М. Ульяновым и ставшая явлением сезона. Вот он перед нами — никакой не похожий на тех, известных своей правильностью и хладной добротельностью, персонажей, которых достаточно было в нашей драматургии. В остром серьезном конфликте сталкивается Ульянов — инженер-строитель Сторожев со своим другом Борзовым. Стоит увидеть умные, печальные глаза Ульянова-Сторожева, стоит вслушаться в интонации его голоса, чтобы понять: на сцену пришел человек, который своей внутренней убежденностью, душевной добротой способен действительно переубедить, переучить другого. И этот рассказ Ю. Эддиса, А. Ремизовой и М. Ульянова — в данном случае хочется назвать трех авторов — о человеке большого сердца и большого дела трогает, волнует.

Новая пьеса А. Корнеевчука «Странники дневника» поставлена в Малом театре. Шестидесять лет исполнилось автору и, как видно, к этому возрасту начинают думать

люди не только о том, как жить, но и о том, как прожить. Часть этих человеческих, гражданских раздумий услышали мы в спектакле-диалогте «Малого театра (режиссер Е. Симонов). Главные герои — художник и писатель. Актеры Н. Анненков и Д. Павлов передают как бы две стороны минувшей и нынешней жизни. Один с трудом остается с временами парадности и парадности искусства, огромных холстых полотен и частных, не выстраданных премий. Другой уже понадеялся существовать задушевного дня, атмосфера XX съезда стала нормой его существования.

На сцене Театра им. Маяковского идет «Перебежчик» А. и П. Трут (постановка В. Толмазова). В пьесе есть зерно жизни, возрождаемой сейчас в полную силу правды о войне, о жизни людей. Что такое измена, в чем нравственный смысл этого понятия? — на этот вопрос отвечает спектакль. Помочь своему народу, заданному фашизмом, может только человек, разорвавший с фашистскими силами и по-прежнему верный народу. Образ немецкого офицера, перебежавшего на нашу сторону в годы войны, великолепно созданный А. Лазаревым, — это умное обобщение тех явлений и характеров, которым не по пути с фашизмом их страны, но по пути с антифашистами любых других стран.

И вот уже в самом конце: это зона прикосновения еще нескольких ярких событий. Театр М. Станиславского показал новую пьесу Л. Зорина «Энциклопедисты» (режиссер Б. Львов-Анохин). Это — комедия, скорее даже озорная сатирическая фарс, но и здесь торжествует старшая эстетическая истина: настоящая сатира и правда о жизни неразделимы, иначе сатира — жалкое кривляние.

В фокусе этого спектакля, авторской мысли и режиссерских усилий — Е. Леонов в роли бездарного композитора, крошащего «сюжеты на тему». Он благоденствует, на нем голубая шелковая, адовая славянофильская рубашка, он играет на грешные народные мотивы, но весь этот «патриотизм» не более как приспособленчество человека, мечтающего пробраться, пролезть в Союз композиторов. И когда надежды сбываются — вы бы посетовали на героя Леонова. Куда девалась благословенность, грешная, голубые рубашки, ничего он не хочет этого — русского, народного, скорее бы возмешить — жирно, быстро и нагло — все, что пришлось претерпеть раньше.

Значит ли все это, что у нас нет упреков драматургам и театрам? Упреки есть, но не хотелось бы каждому хорошему слову произносить три-четыре плохих, ведь тогда и хорошие-то начинают бледнеть, стираться. Однако есть недостатки, типичные для многих явлений, для ряда пьес и спектаклей.

Прежде всего нельзя считать гражданским, социальным произведение только потому, что в нем «начисляются» три фразы про то, не кажется ли «улыбалолюбивым». Пора отбросить прантунку сенсационных намеков на «что-то», на «кто-то» и на «когда-то». Гражданственность, как известно, состоит не в намеках, но в непримиримой позиции художников по отношению ко лжи и алу, в их любви к правде и свету, началу в душе человека.

Мы не писали здесь об инсценировках в буквально смысле этого слова, среди которых было много и интересного, и поучительного. Не говорили о русской и западной классике. Хотелось подумать об оригинальных работах драматургов, о том, что происходит в театре, когда он получает новую интересную, современную пьесу.

И. ВИШНЕВСКАЯ.